

# ЗИНАИДА ГИППИУС

ВСЕ К ХУДУ

Зинаида Гиппиус

**Все к худу**

«Public Domain»

1903

## **Гиппиус З. Н.**

Все к худу / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1903

«Дементьев убил свою жену. Год производилось следствие, потом его судили и приговорили, – ввиду смягчающих обстоятельств и ввиду того, что он уже одиннадцать месяцев просидел в предварительном заключении, – только к церковному покаянию в дальнем монастыре...»

© Гиппиус З. Н., 1903

© Public Domain, 1903

## Зинаида Гиппиус Все к худу

Дементьев убил свою жену.

Год производилось следствие, потом его судили и приговорили, – ввиду смягчающих обстоятельств и ввиду того, что он уже одиннадцать месяцев просидел в предварительном заключении, – только к церковному покаянию в дальнем монастыре.

Срок покаяния пришел к концу, а Дементьев и не думал уезжать из монастыря, потому что ему решительно некуда было уезжать. В монастыре он вел себя тихо и молчаливо, и только последнее время стал иногда разговаривать с казначеем, добродушным, статным и чернокудырым о. Мефодием. Весенней порой, перед сумерками, сходились они на монастырском кладбище и беседовали. Сидели на скамеечке под сиренями, у могилы купчихи Бронзовой. Памятник хороший, высокий, наверху урна, под урной – стихи. Монастырь был хоть и далекий от столиц, но не захолустный и не очень бедный; около – уездный город.

Как-то раз сошлись они, Дементьев и о. Мефодий, на вечерней, весенней заре и повели беседу. О. Мефодию давно хотелось допросить кающегося, как с ним приключился грех, но тот доселе все отмалчивался: беседовали они больше отвлеченно.

– Благодать-то какая, Николай Павлыч! Дружная нынче весна стала, – заговорил монах, шумно дыша и глядя вверх, на желто-зеленое небо, свежее и чистое, как будто только что вымытое. – Листочки какие уже большие. А теплынь-то! Небось в вашем Петербурге еще снег полеживает, либо грязища холодная. Не ездить бы тебе никуда, Николай Павлыч, остался бы с нами. Чего еще? Здесь тишина, а у тебя душа потревоженная...

– Я и не поеду никуда, должно быть, – сказал Дементьев и усмехнулся.

Нельзя было бы угадать, сколько ему лет: может быть, мало, может быть, много. Сероватое, худое лицо, серовато-белокурая, редкая, кустиками, борода, серовато-бледные, запавшие глаза; на щеках, когда он усмехался, – длинные складки.

О. Мефодий обрадовался ответу.

– Не поедешь? Вот бы хорошо! Постригся бы с Божией помощью, и прожил бы свое время в тишине.

– Нет, я постригаться не стану, о. Мефодий, – сказал Дементьев. – А так... надоела мне вся эта канитель. Уходить некуда... не к чему... и жить здесь – тоже не к чему. Тебе я, о. Мефодий, пожалуй, скажу, потому что мне все равно: я повеситься задумал.

О. Мефодий от неожиданности даже затрясся весь, открыл рот и замахал руками.

– Что ты? Николай Павлыч? Христос с тобой! Каялся-кался, откался – а теперь в новое грешное помышление впадаешь? В монастырь, да вешаться? Подумал бы! И с чего?

– Ну я из монастыря в рощу уйду, к речке. Не кричи. Ты добрый человек; добрый человек, слыша про это, не должен кричать; а если он еще и умный – так он сочувствует, понимает.

– Грех твой, что ли, тебя замучил? – спросил о. Мефодий уже тише.

– Какой грех! Я и не каялся никогда, что убил Марью. Вышло так – и отлично.

О. Мефодий хотел было ужаснуться и начать объяснять собеседнику его заблуждение, но любопытство превозмогло все, и он спросил:

– Да как оно случилось-то? Приревновал ты ее, что ли? Ах ты, Господи Иисусе Христе!

– Я бы тебе рассказал, о. Мефодий, да ведь ты не поймешь. Ты, вон, во-первых, все о грехе да покаянии...

О. Мефодий немного обиделся.

– Ты, Николай Павлович, мою душу не знаешь. Думаешь, меня сомнения не посещают? Всего бывало. Молчишь только, конечно. Теперь оно реже, а как в молодости-то начнутся мысли, как начнутся мысли... Я и нынче от многого не отказываюсь.

– Да не оттого... Так. Какой бы ты ни был, хоть семи пядей во лбу... А лишнее это. Все равно, ведь, никакого сообщения между людьми нету.

– Это верно, нету, – оживившись, сказал о. Мефодий. – Я и сам думал, еще когда в миру жил, лавка у отца в городе была. Никакого сообщения. Ты человеку свое толкуешь, – а у него свое на уме, что – неведомо. И знаешь про это, а все силишься, толкуешь. Вот за то и хорошо в монастыре. Какое у нас здесь сообщение? Самое малое. С братьями о самом простом покалякаешь, о. настоятелю дела доложишь, книги покажешь – вот и сообщение. Зато у нас с Богом сообщение в молитве. Каждый по-своему, про свое Господу говорит, уже Он, Вседержитель, разберет. А между людьми нет издавна сообщения. Мне думалось, дьявол сетки везде натянул.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.